

Л.П. Маринович

МИДИЙ И ЕГО ДРУЗЬЯ, ИЛИ ДЕМОСФЕН ПРОТИВ ПЛУТОКРАТОВ*

В основу статьи положен анализ речи Демосфена «Против Мидия»¹ – одной из немногих судебных речей, написанных оратором для себя самого. Случилось так, что во время празднования Великих Дионисий его давний недруг Мидий² в театре, в присутствии зрителей, дал пощечину Демосфену, добровольно выполнявшему обязанности хорега своей филы Пандиониды, когда тот, сидя на оркестре, ожидал появления хора³. В ответ Демосфен возбудил дело против обидчика, оно рассматривалось на специальном заседании Народного собрания⁴; Мидия осудили, но требовалось вторичное осуждение в Гелиее, где спор шел о мере наказания. Данная речь и предназначалась для произнесения в Гелиее, однако этого не произошло⁵, так как Демосфен предпочел пойти на компромисс и получить за моральный и физический ущерб компенсацию в размере 30 мин. Дело прекратили, речь же была опубликована⁶, хотя, вероятно, не самим Демосфеном, между 350 и 347 гг.

Речь «Против Мидия» отличает черта, которая выделяет ее из числа других речей Демосфена: в ней, как ни в какой другой его речи, очень резко звучит критика богатства и богатых и сильны антиплутократические мотивы, в общем Демосфену не свойственные. Несмотря на все попытки предстать перед аудиторией человеком, равно далеким от богатых и бедных, пекущемся только об общем благе полиса и его граждан, Демосфен все же выражал в первую очередь интересы богатых⁷, в нем

* Данная работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 96-01-00158.

¹ Речь цитируется в переводе В.Г. Боруховича: *Демосфен. Речи. Т. I* / Отв. редактор Л.П. Маринович. М., 1994; использованы также следующие изд.: *Demosthenes. Against Midias, with Critical and Explanatory Notes* by W.W. Goodwin. Cambr., 1906; *Demosthenes. V. III* / With an English Translation by J.H. Vince. Cambr. Mass., 1986; *Demosthenes. Against Meidias (Oration 21)* / Ed. D.M. MacDowell. Oxf., 1990.

² Их вражда восходит ко времени судебного дела Демосфена против опекунов по поводу отцовского имущества. Именно тогда брат Мидия Фрасилох предложил Демосфену обмен имуществом, что поставило того в очень тяжелое положение; инициатором же, по утверждению оратора, выступил Мидий, который вместе с братом ворвался в дом Демосфена, и вели они себя там непристойно (*Dem. XXI. 78–81; XXVIII. 17*).

³ Нередко событие относят к 348 г. (е. g. *Pickard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens*. Oxf., 1969. P. 69; *Wilson P.J. Demosthenes 21 (Against Meidias): Democratic Abuse* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1991. 37. P. 164), но точная дата неизвестна, так как хорегия Демосфена относится к Великим Дионисиям 351/50 г., когда Демосфен, по его словам, достиг 32-х лет (*XXI. 154*), а годом его рождения считают 384 год (см. *Demosthenes...* by J.H. Vince. P. 3, n. a).

⁴ После завершения Великих Дионисий в театре Диониса происходило заседание Народного собрания, посвященное этому празднику, на котором, согласно закону Эвегора, обсуждались вопросы, связанные с религиозной обрядностью, а также разбирались жалобы лиц, «претерпевших обиды во время праздника, по отношению к которым законность была нарушена» (*Dem. XXI. 8 sq.*).

⁵ Таково общепринятое мнение, которое, правда, оспаривалось, но, как кажется, без достаточных оснований (*Harris E.M. Demosthenes' Speech Against Meidias* // *HSCPh*. 1989. 92. P. 117 f.; *Worthington I. Greek Oratory, Revision of Speeches and the Problem of Historical Reliability* // *Cl. Med*. 1991. 42. P. 67).

⁶ О соотношении произнесенной и опубликованной версий речи см. *Worthington. Greek Oratory...* P. 55–74.

⁷ *Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 81 сл.; Perlman S. The Politicians in the*

срабатывал, так сказать, инстинкт собственника, что и неудивительно, учитывая размеры его состояния⁸. Возникает вопрос о причине подобной позиции оратора в этой речи, о правдивости его аргументации и степени соотношения ее с действительностью (насколько это возможно уяснить из наших источников).

Обратимся к самой речи. Едва ли не главная цель ее – доказать, что совершенное Мидием – преступление, которое к тому же носит не частный, а государственный характер, поскольку хорег, надевая венок перед началом состязаний, становится официальным лицом; более того, преступление Мидия – святотатство, так как совершено во время праздника в честь Диониса и соревнование – часть священнодействия. Как принято в то время (да и не только тогда), объектом речи является не только конкретный случай, но и вся предшествующая жизнь подсудимого, частная и общественная, его моральный облик и политическое лицо (ср. Nurepid. I. 14).

Основное место в речи, естественно, занимает характеристика Мидия, но также характеризуются и его друзья. Демосфен сразу же, с первой фразы и весьма решительно обозначает свою позицию, задавая тон всей речи: «Как я полагаю, граждане судьи, всем вам, равно как и остальным гражданам, хорошо известны та наглость и насильственный образ действий⁹, которые всегда и по отношению ко всем свойственны Мидию» (XXI. 1). И далее отмечаются только отрицательные черты Мидия, которые в огромном числе рассыпаны по всей речи, оратор вновь и вновь повторяет их, нагнетая впечатление. Демосфен, по его словам, составил перечень преступлений Мидия: «они весьма разнообразны и представляют собой множество насильственных действий – и по отношению к родственникам злодейство, и по отношению к богам кощунство» (XXI. 130). Оратор собирается сообщить «о множестве... скверных проделок этого негодяя, о его наглых поступках по отношению ко многим из вас, о многих его опасных и дерзких действиях» (XXI. 19), он обращает внимание аудитории «на разнузданность и жестокость этого человека по отношению к окружающим» (XXI. 88). Мидий – «человек наглый, бесстыдный» (XXI. 2), «жестокый и бессердечный» (XXI. 97), «разнузданный и мерзкий» (XXI. 98), «нечестивый и мерзкий» (XXI. 114), «низкий, наглый и грубый, который и сам ничтожество и происходит от ничтожных людей» (XXI. 148). Он всегда поступает как «богопротивный и мерзкий человек» (XXI. 197), не уважает «ни праздника, ни религии, ни законов» (XXI. 97), он исполнен такой наглости, что угрожает самому народу Афин, «и если ему не удавалось втоптать в грязь целую филу, весь Совет, весь народ, напасть сразу на многих из вас, присутствующих здесь, то он находил свою жизнь невыносимой» (XXI. 132). Презрение Мидия к рядовым гражданам постоянно подчеркивается Демосфеном: «Ты всем угрожаешь, всех преследуешь», – обращается Демосфен к Мидию (XXI. 135).

Почему Мидий позволяет себе так вести себя – спрашивает Демосфен – и отвечает: прежде всего благодаря своему богатству. Люди боятся «насилий, которые он творит, его неугомности, его богатства, которое придает ему уверенность в своей силе и заставляет других с опаской относиться к этой презренной личности»

Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // *Athenaeum*. 1963. XLI (N. S.) Fasc. III–IV. P. 327–355; *idem*. Political Leadership in Athens in the Fourth Century B. C. // *La Parola del Passato*. 1967. 114 (N.S.). P. 161–177. Тема «богатые и бедные» в речах Демосфена рассмотрена в кн. *Vannier F.* Finances publiques et richesses privées dans le discours athénien aux Ve et IVe siècles. P., 1988. P. 147–166.

⁸ Демосфен к концу жизни был одним из богатейших граждан Афин – вывод Д. Дэвиса, основанный на анализе исчерпывающей сводки источников: *Davies J.K.* Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxf., 1971 (далее – APF). № 3597. P. 126 f.

⁹ О нарушении Мидием закона о ὕβρις («оскорблении насилием») как одном из обвинений Демосфена см. *Fisher N.* The Law of Hubris in Athens // *Nomos. Essays in Athenian Law, Politics and Society* / Ed. P. Cartledge e. a. Camb., 1993. P. 123–138. О концепции ὕβρις и ее трактовке в речи «Против Мидия» см. также *Murray O.* The Solonian Law of Hubris // *Ibid.* P. 139–145; cf. *Wilson.* Demosthenes 21... P. 164–195. Сам факт оскорбления насилием Демосфена Мидием был, по словам оратора (XXI. 216), зафиксирован решением Народного собрания.

(XXI. 138). Наглость поведения неотделима от богатства: «Я лично вижу только дерзкие и наглые поступки, на совершение которых воодушевляет его богатство¹⁰ и жертвами которых становятся многие из нас, простых людей» (XXI. 159); кстати, следует обратить внимание на то, как Демосфен отождествляет себя с «простыми людьми», используя местоимение «мы». Мидий «богат, дерзок, высокомерен, громогласно криклив, груб и бесстыден» (XXI. 201), лишившись же богатства (в случае конфискации имущества по решению суда), он уже не сможет принести столько зла: «Будучи негодяем и насильником, он благодаря... богатству находится как бы за стеной и чувствует себя в безопасности... Но когда он лишится состояния, он... перестанет вести себя нагло» (XXI. 138).

Главная опасность для демоса состоит, однако, не в самом Мидии, а в том, что вокруг него объединились люди, похожие на него; Мидий выступает организатором сообщества таких людей (XXI. 185). Пострадавшие от наглости Мидия люди молчат потому, что испытывают страх «перед его наглостью, перед окружающими его единомышленниками, перед его богатством» (XXI. 20). Об единомышленниках Мидия Демосфен говорит много раз, они «отличаются бесстыдством и ведут себя наглым и насильственным образом по отношению к большинству остальных людей, называя одних нищими, других отбросами общества, третьих они вообще за людей не считают» (XXI. 185). «Богатые и скверные люди», пишет Демосфен (тем самым имея в виду одних и тех же), могут совершенно свободно «оскорблять людей и при этом не нести никакой ответственности» (XXI. 123).

Как бы обобщая сказанное, Демосфен обращается к аудитории с таким утверждением: «Я хочу заявить, граждане афинские, что между большинством народа и богачами не существует равенства или хотя бы подобия равенства – его нет совершенно, оно отсутствует!» (XXI. 112). По словам оратора, создалось нечто вроде союза богатых в защиту Мидия, «многие богатые люди... достигшие известного влияния благодаря своему богатству, вступили в сговор и будут вас просить и умолять за Мидия» (XXI. 213).

Итак, как Демосфен хочет доказать, его конфликт с Мидием имеет общественный характер, и не только потому, что оскорбление действием было нанесено хорегу во время праздника, но и потому, что Мидий представляет собой воплощение, образец определенного социального типа – наглого богача, нарушающего все нормы жизни полиса. Более того, остальные богачи объединились, чтобы спасти его. Это сообщество богачей враждебно демосу, и если они смогут диктовать свою волю, то положение рядовых афинян станет совершенно невыносимым. Единственное средство противостоять этой угрозе – объединение простых, бедных афинян против плутократов. Расстановка сил в экклесии, как заявляет с самого начала оратор, такова: народ и Демосфен противостоят Мидию и некоторым другим поддерживающим его лицам, которые характеризуются только одним признаком – они богаты (XXI. 2). Первым шагом на пути противостояния им должна стать поддержка демосом Демосфена в его борьбе против Мидия, поскольку он – единственный из ораторов, кто защищает демос¹¹, тогда как все остальные ораторы – «люди бесстыдные, обогатившиеся за ваш счет» (XXI. 189 sq.). Защищая его, демос (по логике Демосфена) тем самым защищает и себя.

Если в отношении любого источника встает вопрос о степени его достоверности, то тем большей осторожности требует судебная речь, написанная истцом против обвиняемого. В какой степени справедливы обвинения Демосфена, высказанные в адрес Мидия? Что мы знаем о Мидии?

¹⁰ Связь «гибристического» поведения с богатством отмечал Аристотель (Rhet. II. 1378b 28–29); см. Murray. The Solonian Law... P. 139 f.

¹¹ О речи «Против Мидия» как основном, центральном тексте в создании Демосфеном собственного образа гражданского благодетеля и героического демократа см. Wilson. Demosthenes 21... P. 165 f.; Vernant J.-P. L'individu dans la cité // Idem. L'individu, la mort, l'amour: soi-même et l'autre en Grèce ancienne. P., 1989. P. 224–227.

Мидий происходил из семьи, в Афинах достаточно известной. Отец его Кефисодор из дема Анагирунт исполнял обязанности триерарха, а старший брат Мидия Фрасилох¹² по крайней мере дважды был триерархом; есть документы о возобновлении им аренды двух рудников в Лаврионе, он владел мастерской и, возможно, идентичен тому Фрасилоху, который дал займы с процентами Аполлодору 30 мин для выплаты жалованья матросам под залог земельного участка ([Dem.] L. 13).

Несколько больше источники сообщают о самом Мидии¹³, которого анонимный автор «Содержания» XXI речи определяет как «одного из политических деятелей того времени... обладавшего большим влиянием и очень богатого». Как и отец и брат, он, несомненно, принадлежал к числу 1200 граждан, составлявших морскую симморию, выполнял обязанности триерарха¹⁴ не менее трех раз: вероятно, был триерархом «Олимпии» (IG II². 1612, l. 291); он взял на себя обязанности триерарха во время Эвбейской кампании. По словам Демосфена, он не принимал участия ни в первых, ни во вторых добровольных пожертвованиях и объявил о своем даре только тогда, когда Совет вынес предварительное решение, чтобы все оставшиеся всадники выступили в поход. Испугавшись предстоящего похода, он подарил государству триеру (Dem. XXI. 160 sq.). Незадолго до смерти в 330-е годы он был триерархом корабля «Актис Лисиклеус» (IG II². 1629, ll. 768–770, 1631 sq.). Открытым голосованием он был выбран казначеем на корабль «Парал», упоминающая о чем, Демосфен перечисляет и другие посты, которые Мидий занимал до начала процесса: гиппарх (одновременно с триерархией), попечитель мистерий, гиеропей, скупщик жертвенных быков и «другие подобные должности» (Dem. XXI. 171). Мидий был также хорегом драматического хора (Dem. XXI. 156), осенью 340 г. избран одним из пилагоров – участников священного посольства в Дельфы, где его поразила лихорадка (Aeschin. III. 115).

Несомненно, часть его собственности заключалась в землях, находившихся в районе разработки рудников. По свидетельствам Демосфена, Мидий перевозил «строительный материал и бревна для креплений в свои серебряные рудники» наряду с кольями для виноградника и скотиной (Dem. XXI. 167), об этом же говорят и эпиграфические документы. В надписи, вероятно, 342/1 г. он выступает как один из собственников земли в районе горнорудных разработок у Суниона и в Лаврионе (IG II². 1582, ll. 44, 82); по-видимому, он же назван как арендатор в другой надписи, датированной серединой IV в.¹⁵

В чем обвиняет Мидия Демосфен? Среди тех пороков, которые носят более личный характер, перечислено несколько, сводящихся к тщеславию, показной роскоши. Однако представляется, здесь нет ничего, что отличало бы Мидия от других состоятельных афинян, таким образом выражавших свою социальную значимость. Напомним, что ни один источник, где говорится о Ликурге, не обошел молчанием подчеркнутую скромность его в быту как нечто, выделяющее его из окружения и расходящееся с устоявшимся стереотипом поведения. Не будем ходить далеко за примерами. Демосфен упоминает о доме Мидия в Элевсине, но он сам имел два дома, в Афинах и Пирее (Dinarch. I. 69). Оратор говорит о роскошных одеждах Мидия, но его самого упрекали в том, что его одежды невозможно отличить от женских, что он роскошествовал и путь до Пирея проделывал на носилках (Dinarch. I. 36). В литературе того времени нередко отмечается, как то или иное лицо старалось поразить окружающих своей утварью из золота и серебра, так что и в этом Мидий не отличался от других богачей.

Тогда уже было очевидным, что богатство влечет за собой определенные нормы поведения и накладывает отпечаток на характер владеющего им. Вот что об этом

¹² Источники о Кефисодоре и Фрасилохе: APF. P. 385 f.

¹³ О Мидии см. *Fiehn. Meidias*, 2 // RE. Hlbd 29. 1931. Sp. 334–338; APF. P. 386 f.; *Develin R. Athenian Officials*. 684–321 B.C. Cambr., 1989. № 1921.

¹⁴ О триерархии и синтриерархии, их финансовой стороне, так называемом литургическом классе и влиянии триерархов (самом сильным) на принятие Народным собранием политических решений см. *Gabriel-sen V. Financing the Athenian Fleet. Public Taxation and Social Relations*. Baltimore–London, 1994. P. 8, 45 f. e. a.

¹⁵ *Crosby M. The Leases of the Laureion Mines // Hesperia*. 1950. 19. № 3. P. 240. № 15, 1. 76.

писал такой весьма пронизательный современник, как Аристотель: «Что касается характера, который связан с богатством, то его легко видеть всем: [обладающие им люди] высокомерны и надменны, находясь в некоторой зависимости от богатства... Они склонны к роскоши и хвастовству – к роскоши ради самой роскоши и ради выказывания своего внешнего благосостояния; они хвастливы и дурно воспитаны» (Rhet. II, 1390b 30 – 1391a 15; пер. Н. Платоновой).

Если перейти к более конкретным обвинениям Мидия в нечестивых поступках и нанесении вреда отдельным гражданам (Стратону, Аристарху и др.), то за недостатком места отметим только, что Демосфен говорит о них весьма сумбурно и так кратко, что понять существо дела невозможно (не рассчитывал ли оратор на осведомленность аудитории?) Самое главное обвинение касается поведения Мидия в событиях, связанных с тираном Эретрии на Эвбее Плутархом, проксеном которого был Мидий¹⁶. В сущности, он винит Мидия в том, что, пользуясь своим влиянием в городе, он действовал прежде всего в своих интересах – упрек, справедливый по отношению ко многим политикам (ср. *Hyperid.* II. 12).

Следовательно, вопреки утверждениям Демосфена, Мидий – отнюдь не исчадие ада, а типичный представитель своего слоя. Он не был столь богат, как пытался представить Демосфен, а относился скорее ко «второму эшелону»¹⁷. В соответствии с нормами и нравами своего «класса» он и вел себя, выполняя триерархии и другие литургии, обязанности гражданина и активно участвуя в общественной и политической жизни родного полиса. Очевидно, он пользовался определенным авторитетом как политик. Так, Эсхин, рассказывая о совместном посольстве в Дельфы, замечает: «Вы избрали пилагорами (наряду с двумя другими гражданами. – Л.М.)... всем известного Мидия из дема Анагирунт» (Aeschin. III. 115). Он принадлежал к числу сторонников Эвбула, через него познакомился с Эхином, который, в свою очередь, в течение многих лет был дружен с Фокионом – тем самым Мидий оказался в кругу лиц, важных на политической сцене Афин¹⁸. Как и его брат Фрасилох, он занимал антимакедонскую позицию, что, как кажется, определялось характером его собственности и деятельностью по разработке серебряных рудников, являясь, как и другие рудничные предприниматели, врагом Филиппа¹⁹.

Перейдем теперь к тем, кто поддерживал Мидия, к его друзьям и сторонникам. Таковых удалось насчитать семь: Блепий, Тимократ, Полиевкт, Филиппид, Мнесархид, Диотим, Неоптолем. Но Демосфен неоднократно обращает внимание слушателей на то, что он назвал не всех сторонников Мидия, «к ним надо добавить еще некоторых других», кроме них есть «и еще кое-кто из очень богатых людей», другие подобные им богачи, «многие богатые люди» (Dem. XXI. 2, 139, 208, 213, 215).

Начнем со стоящего несколько особняком Блепия²⁰ – весьма любопытной фигуры: гражданина, трапедзита, богача. Демосфен упоминает Блепия (уточняя: трапедзита) как человека, который (отдельно от других) обратился к нему в Народном собрании с просьбой о прекращении дела против Мидия, а когда оратор, испугавшись крика возмущенных афинян, бежал, «потеряв плащ и оказавшись полуголым, в одном хитониске», «этот человек тащил меня, схватив за одежду» – такую живую картинку

¹⁶ В позиции Демосфена и Мидия по отношению к событиям на Эвбее, помимо старой вражды, отчетливо проявились их политические расхождения. Сошлемся на одну из последних известных мне работ о Демосфене: *Cartier P. Démosthène.* P., 1990. P. 127–131.

¹⁷ Мидий не входил в число ста богатейших граждан Афин, согласно Демосфену (в отличие от самого оратора); он также никогда не был главой симмории по уплате эйсоры, «наравне с самыми богатыми людьми» (Dem. XXI. 157). Анализ дан: *Ste Croix de. G. E. M. Demosthenes' TIMHMA and the Athenian Eishpora in the Fourth Century B.C.* // *Cl. Med.* 1953. 14. P. 60.

¹⁸ *Harris E.M. Aeschines and Athenian Politics* N.Y. – Oxf., 1995. P. 38.

¹⁹ *Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion.* Bd 2. Wiesbaden, 1956. S. 924–927; *idem. Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten* // *Historia.* 1957. Bd 6. Ht 3. S. 287–305.

²⁰ *Cohen E.E. Athenian Economy and Society. A Banking Perspective.* Princeton, 1992. P. 21; *Kirchner. Blepaios* // *RE.* Bd 3. V., 1899. Sp. 568.

рисует Демосфен (XXI. 215 sq.). Блепий появляется еще в одной речи корпуса Демосфеновых речей, по словам одного из участников процесса против Беота, он «занял вместе с отцом у трапедзита Блепия 20 мин для приобретения права на разработку рудников» (XL. 52). Блепий, сын Сокла, зафиксирован также в одной из надписей в числе лиц, взявших контракт на строительство храма в Элевсине в 30-е годы (IG II². 1675, l. 32), причем его идентичность с «нашим» Блепеем подтверждается занятием его отца, тоже трапедзита (профессия, как правило, наследственная) (Dem. XXXVI. 29). Богачем он назван во фрагменте одной из комедий Алескида (Athen. VI. 241C).

В числе ходатаев за Мидия выступили также Тимократ, сын Антифонта²¹, из дема Криво и его сын Полиевкт. О принадлежности Тимократа к «литургическому классу» свидетельствует его синтриерархия на кораблях «Сойдзуса» и затем «Дорис» (IG II². 1609, ll. 83, 89–90), но еще более показательно для его имущественного положения участие в Олимпийских играх (где он победил) как владельца колесницы (IG II². 3127)²². Считают, следуя Демосфену, что одним из источников богатства Тимократа была политическая деятельность: «Он издавна известен всем как человек, за деньги составляющий псефисмы и предлагающий законы» (Dem. XXIV. 66)²³. Заметной чертой его карьеры является тесное сотрудничество с Андротионом, с которым его связывала и личная дружба. Он входил в коллегию, которая под руководством Андротиона занималась храмовыми сокровищницами, причем как человек алчный и невежественный действовал таким образом, что, говоря словами Демосфена, «уничтожив символы славы» (венки), «сотворил символы богатства» (фиалы) (Dem. XXIV. 176 sq., 182 sqq.). Они оба были членами Коллегии десяти, созданной для сбора недоимок по эйсфоре (Dem. XXIV. 111, 160–166). Тимократ предложил закон, чтобы спасти от тюрьмы своего друга, оказавшегося среди послов к Мавсолу, которых привлекли к ответственности, поскольку они задолжали казне деньги, полученные от продажи груза (украли большие суммы денег и держали их у себя долгое время, как комментирует Демосфен – XXIV. 112). Здесь не место излагать все обстоятельства этого громкого дела (послы захватили судно, везшее груз из Египта, продали его, но деньги не передали в государственную казну, как положено, а разделили между собой; к тому же за год набежали проценты, равные первоначальной сумме), отметим только, что именно в связи с обсуждением закона Тимократа Демосфен написал речь «Против Тимократа».

Помимо юридических аргументов автор речи прибегает и к чисто демагогическим приемам (впрочем, весьма обычным в то время), стремясь доказать, что закон подрывает демократический строй. Эта речь, как и другая, связанная с Андротионом (а именно речь «Против Андротиона о нарушении законов») – отражение острой политической борьбы, происходившей тогда в Афинах, в том числе и относительно эйсфоры, методов распределения этого налога и его сбора²⁴.

Тимократ и Андротион обвиняются в преступном поведении, более разнузданном, чем в любом олигархическом государстве. Они настолько превзошли своей жесткостью 30 тиранов, что, «являясь политическими деятелями демократического государства, превратили собственный дом каждого афинского гражданина в тюрьму», «стали заковывать в цепи и тяжело оскорблять людей, являющихся гражданами», «применяли такие меры наказания, которые направлялись против личности человека – как будто имея дело с рабами!» (Dem. XXIV. 165–167). Что касается личности Тимократа, то Демосфен называет его *καλὸς κ'ἀγαθός*, явно иронизируя над его претензией принадлежать к «лучшим людям».

²¹ О нем и его семье см. APF. № 13772; *Schaefer H.* Timocrates // RE. 2. Reihe. Hlbd 11. 1936. Sp. 1263–1264. О Тимократе см. также *Develin.* Athenian Officials... № 3094.

²² *Moretti L.* Olympionikai. I vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957. P. 124, № 440 (надпись на базе статуи, поставленной в Афинах).

²³ Заметим, что подобным обвинениям подвергался и сам Демосфен (*Hypeid.* V. Fr. VI; *Dinarch.* I. 41–45, 111).

²⁴ *Глускина Л.М.* Проблемы социально-экономической истории Афин. Л., 1975. С. 135–137.

В поддержку Мидия Тимократ выступил вместе с сыном Полиевктом (Dem. XXI. 139)²⁵, который сохранил отцовскую связь с Андротионом, как показывает его поправка к декрету, предложенному Андротионом в 347/6 г. (IG II². 212, ll. 65 sq.). Известно также, что в начале 20-х годов он помогал богачу Фениппу в знаменитом деле об обмене имуществом ([Dem.] XLII. 11). Итак, есть основание считать, что Тимократ и его сын принадлежали к старой и несомненно богатой фамилии и активно участвовали в жизни демократических Афин. Их политические симпатии трудно определить более точно.

Следующая фигура среди союзников Мидия – Филиппид, сын Филомела, из дема Пеания²⁶, происходил из знатной и весьма состоятельной семьи, одним из источников богатства которой стали разработки серебряных рудников. Судя по названию в IV в. нескольких мест, где находились рудники, – ἔμ Φιλομηλιδῶν²⁷, полагают, что у начала их освоения стоял Филомел, прадед Филиппида. В дружеских отношениях с Мидием находился его внук, тоже Филомел (отец «нашего» Филиппида), именно на его лошади выезжал в торжественных процессиях как гиппарх Мидий, «богач и щеголь», который сам «не решился купить себе коня» (Dem. XXI. 174)²⁸. Его имя встречается в одной из речей Лисия (XIX. 15), Исократ говорит о нем как друге обвинителя трапедзита Пасиона, посланном к последнему требовать возвращения денег, отданных ему на хранение сыном боспорянина Сопея (XVII. 9, 45) и как об одном из своих последних учеников (XV. 93). Судя по ряду надписей, он несколько раз выполнял обязанности хорега во время праздника Таргелий и не менее пяти раз – триерарха и синтриерарха, а также, как сказано в декрете Стратокла (ll. 11–14), и другие литургии²⁹.

Больше нас интересует его сын Филиппид, поскольку именно он назван как выступивший в защиту Мидия вместе с Мнесархидом, Диотимом, Неоптолемом и «другими подобными им богачами и триерархами» (Dem. XXI. 208 sq., 215). Главная информация о Филиппиде содержится в декрете Стратокла 292 г., на основании которого и также других эпиграфических документов вырисовывается следующая канва его деятельности: синтриерарх кораблей «Евтихес Лисиклейду» вероятно в 359 г. (IG II². 1613, ll. 189–192) и «Харис Архенео» в 336/5 г.; как наследник отца³⁰, он был осужден в 326/5 г. за неуплату долга (IG II². 1628, ll. 373 sq., 1629, ll. 894 sq., 906 sq.), возможно связанного с оснасткой корабля. В том же году он был синтриерархом на «Кратисте Хайрестрату» во время экспедиции на Самос (IG II². 1628, ll. 18–21, 30) и судов «Евхарис Архенео» (IG II². 1629, ll. 657 sq.) и «Эфебос» в 322 г. (IG II². 1632, l. 263); хорег, стратег флота, архонт-басилевс в 293/2 г., агонифет, участвовал несколько раз в посольствах и выполнял другие обязанности (декрет Стратокла, сткк. 22 слл.). Ясно, что деятельность его на благо полиса была активна, разнообразна, требовала больших затрат, и за свои заслуги перед демосом Филиппид, согласно декрету, был награжден золотым венком, статуей на агоре, ему была дарована проедрия на всех агонах и др.

Мнесархид был упомянут среди «богачей и триерархов», которые намерены, по

²⁵ О нем см. также *Develin. Athenian Officials...* № 2559. Полиевкта не следует путать (как в статье: *Harris E.M. Demosthenes Loses a Friend and Nausicles Gains a Position: A Prosopographical Note on Athenian Politics after Chaeronea* // *Historia*. 1994. Bd 43. Ht 3. S. 382) с Полиевктом из Сфетта – активным борцом с Македонией, одним из тех, выдачи которых потребовал Александр после разрушения Фив (*Arr. Anab.* I. 10. 4). О традиции см. *Bosworth A. B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. V. I. Oxf., 1980. Ad hoc. P. 93–94. Полиевкт из Сфетта, очевидно, упомянут и в Псевдопуптарховой биографии Ликурга как посол, отправленный в Пелопоннес (*Plut. Moral.* 841E).

²⁶ APF. № 14670; *Treves. Philippides*, 6 // *RE*. Bd 19. 1938. Sp. 2201–2204; *Develin. Athenian Officials...* № 2380.

²⁷ IG II². 1582, l. 71; *Crosby. Leases of the Laureion...* P. 263, № 20, ll. 40, 44.

²⁸ О финансовой стороне – *Spence I.G. The Cavalry of Classical Greece. A Social and Military History with Particular Reference to Athens*. Oxf., 1993. P. 278.

²⁹ Источники собраны: APF. P. 548. Декрет Стратокла – IG II². 649; *Dinsmoor W.B. The Archons of Athens in the Hellenistic Age*. Camb. Mass., 1931. P. 3–15.

³⁰ Пример наследования триерархии (*Gabrielsen. Financing the Athenian Fleet...* P. 62).

словам Демосфена в речи «Против Мидия», предназначенной для оглашения в Гелиее, добиваться пощады Мидия (XXI. 208 sq.). Но еще ранее, судя по замечанию Демосфена, «кое-кто из очень богатых», в том числе и Мнесархид, во время заседания экклесии умоляли о прекращении дела, однако народ ответил криками, требуя осуждения Мидия, «резко, гневно и с возмущением» выступив в защиту оратора (XXI. 215). О жизни Мнесархида, сына Мнесархида, из дема Галы Арафенские³¹, известно очень мало. Он был по крайней мере дважды триерархом (IG II². 1609, l. 79 sq.; 1612, l. 364), что ставит его в ряд богатых людей, подтверждающая тем самым правдивость Демосфена. Возможно, именно этот Мнесархид назван как паредр в речи «Против Феокрина» корпуса Демосфеновых речей ([LVIII]. 32).

Настала очередь обратиться к Диотиму, сыну Диопифа, из дема Эвонимон³², отпрыску одной из самых знатных и богатых семей Афин. Известно по крайней мере шесть поколений ее членов. Отсылая за сведениями о них к сводке Дэвиса (APF. № 4386), отметим только, что представители ее занимали в полисе важные посты и неизменно придерживались демократической ориентации, например Стромбихид, непримиримый враг олигархии, погиб при 30 тиранах (Lys. XIII. 13; XXX. 14). Известен был и Диотим, сын Диопифа, выступления которого в защиту Мидия ожидал Демосфен (XXI. 208); ему принадлежало заметное место в истории Афин того времени. Эпиграфические источники сообщают, что он был крупным предпринимателем, занятым добычей серебра. Начиная с 350 года Диотим, единственный из трех сыновей Диопифа, неоднократно присутствует в документах как арендатор рудников³³ и как собственник земли и мастерских по переработке руды в районах Лавриона и Фрасимоса³⁴. Очевидно, основой его богатства стала часть собственности, которая находилась там, была унаследована им от отца, имевшего землю и владевшего мастерской по переработке руды в Лаврионе (APF. P. 163). Антимакедонская позиция и деятельность Диотима были неизменны и активны, в чем источники единодушны. Об этом говорит автор Псевдоплутарховой биографии Демосфена, называя Диотима среди тех лиц, совместно с которыми Демосфен противостоял Филиппу (Moral. 844F), но гораздо ценнее свидетельства современных ему документов: он выступает одним из поручителей за корабли для Халкиды в 340 г. (IG II². 1623, ll. 194 sq.; 1629, ll. 539–541), подарил щиты полису после битвы при Херонее, за что был увенчан (Dem. XVIII. 114; IG II². 1496, ll. 22–25); стратег в 338/7 (IG II². 1628, ll. 396 sq.; 1629, ll. 915 sq.; 1631, ll. 10 sq.) и в 335/4 гг., когда возглавил экспедицию против пиратов по инициативе Ликурга (IG II². 1623, ll. 276–285) и после успешного завершения ее получил почести от народа тоже по предложению Ликурга³⁵. Диотим дважды назван в числе синтриерархов – кораблей «Немеас Лисиклейду» и «Анисис Антидору» (IG II². 1623, ll. 245 sq., 257 sq.; 1629, ll. 622–629). Он оказался среди тех видных граждан – врагов Македонии, выдачи которых потребовал осенью 335 г. Александр, сын Филиппа³⁶. Самое позднее известие о нем связано с его деятельностью как стратега по организации доставки зерна в Афины, испытывавшие его недостаток (IG II². 408). О смерти Диотима упоминается в одном из писем Демосфена, где он характеризуется как один «из числа людей, преданных народу» (Dem. Ep. III. 31).

Итак, вряд ли будет ошибкой утверждать, что Диотим – один из наиболее известных и богатых афинян своего времени, богатство его основано на владении

³¹ APF. № 10242; Geyer F. Mnesarchides, I // RE. Hlbd. 30. 1932. Sp. 2270.

³² Помимо APF. P. 163 f., см. Kirchner. Diotimos // RE. Bd 5. 1905. Sp. 1148; Lauffer. Prosopographische Bemerkungen... S. 289–292; Spence. The Cavalry of Classical Greece... App. 5, № 56.

³³ Crosby. The Leases of the Laureion... P. 274, № 26, ll. 1–2, 6–7; eadem. More Fragments of Mining Leases from Athenian Agora // Hesperia. 1957. 26. P. 2, № S2, ll. 15, 16.

³⁴ IG II². 1582, ll. 65–66; Crosby. The Leases of the Laureion... P. 274 f., № 26, l. 5; eadem. More Fragments... P. 2. № S2, l. 16, 24. Возможно, также IG II². 1582, ll. 102–103; Crosby. The Leases of the Laureion... P. 209, № 4, l. 12.

³⁵ Plut. Moral. 844A; IG II². 414a; Schweigert E. Greek Inscriptions // Hesperia. 1940. 9. P. 340 f.

³⁶ Arr. Anab. I. 10. 4; Suda, s.v. 'Αντίπατρος; cf. Bosworth. A Historical Commentary... P. 94 f.

землей в районе серебряных рудников и их разработке. Он занимал самые ответственные посты в полисе, в соответствии с семейными традициями сторонник демократии и патриот, Диотим был решительным и последовательным противником Македонии.

Последний из друзей Мидия, которых называет Демосфен – Неоптолем, сын Антикла, из Мелиты³⁷. Предки его зафиксированы еще с конца VI в., имя одного из них, тоже Антикла, стратега 470 г., упоминает Фукидид (I. 117. 2). Антикла, отец Неоптолема, принадлежал к числу учеников Исократа, которые, по свидетельству оратора, были увенчаны золотыми венками за свою службу полису, потратив много собственных средств на государственные нужды (Isocr. XV. 93 sq.). Впервые Неоптолем появляется в поле зрения источников как раз в речи Демосфена «Против Мидия» среди «очень богатых людей» (XXI. 215). Возможно, он идентичен Неоптолему, названному (без демотикона) как владелец земли в рудном районе Анафлистос (IG II². 1582, l. 122). Известно об отпуске им на волю трех рабов, сначала – двух (IG II². 1569, ll. 55–59) и через некоторое время – еще одного³⁸. Наиболее активные годы его жизни – 330-е, когда он близко связан с Ликургом. Демосфен упоминает его в речи «За Ктесифонта о венке» среди тех, кто был награжден народом за жертвования из личных средств: «вот этот Неоптолем, заведовавший многими работами, был награжден почестями за то, что приложил собственные средства» (XVIII. 114). Например, он обещал позолотить алтарь Аполлона на агоре «согласно прорицанию бога», за что Ликург предложил его увенчать и посвятить ему статую ([Plut.] Moral. 843F). Известны посвящение, сделанное им на Акрополе (IG II². 4901), и венок, посвященный им Афине (IG II². 1496, ll. 43 sq.). В 326/5 он – один из десяти афинских гиеропеев на Пифийских играх в Дельфах³⁹.

К тому же году относится и последнее известное деяние Неоптолема – предоставление двух сумм, в 1500 и 500 драхм, на покрытие «корабельных» долгов пяти лицам: Филиппиду, сыну Филомела, пеанийцу; Евбою, сыну Кратистолея, анагирунту; Конону, сыну Тимофея, анафистийцу; Онетору, сыну Онетора, мелитийцу; Феаку, сыну Леодаманта, ахарнцу (IG II². 1628, ll. 384–389, 418; 1629, ll. 904 sq., 939 sq.). Это был заем типа *эраной*, и поскольку *эраной* предоставлялись родственникам или друзьям, то, очевидно, здесь следует видеть свидетельство дружественных отношений между Неоптолемом и теми, кому он оказал помощь. Обратим внимание, что среди должников находится уже известный нам Филиппид, но не менее интересны и другие лица. Пожалуй, самая для нас любопытная фигура – Онетор, старый враг Демосфена, оказавшийся вовлеченным в дело об опеке над Демосфеном и возвращении унаследованного им от отца имущества. Демосфен называет Онетора в третьей из речей против Афоба – одного из своих опекунов, как лицо, которому Афоб, женатый на сестре Онетора, передал землю (XXIX. 3). Демосфен вчинил ему иск «о насильственном противодействии законному вступлению во владение имуществом», когда тот прогнал оратора, который после осуждения Афоба предъявил свои права на землю. Этому делу посвящены две речи Демосфена против Онетора (XXX и XXXI).

Из перечисленных лиц только один Евбой не имеет зафиксированных источниками предков, проявивших себя в общественной и политической жизни Афин прошлых времен. Предки Конона (APF. № 1370) занимали видное место в полисе V в., один из них удостоился статуи на Акрополе; дед Конона – прославленный полководец и политик Конон, имя которого получил (как принято) его внук, а отец – не менее прославленный Тимофей. Онетор (APF. № 11473) принадлежал к семье, известной с VI в., как и его брат Филонид – ученик Исократа. Предки Феака тоже занимали заметное место в Афинах с V в. Все они принадлежали к людям, наследственно богатым: предки Конона обладали значительными земельными владениями еще в предшествующем

³⁷ APF. № 10652; Reincke G. Neoptolemos, 2 // RE. Hlbd. 23. 1935. Sp. 2462–2463.

³⁸ Lewis D.M. Attic Manumissions // Hesperia. 1959. 28. P. 208–237. № 3, B, col. II, ll. 216–217.

³⁹ Syll.³ 296, l. 4; Lewis D.M. Notes on Attic Inscriptions (II) // ABSA. 1955. 50. P. 34 f.

столетии, очень богаты были старший Конон и его сын Тимофей, значительные земельные владения имел и младший Конон. Судя по тому, что Евбой выполнял обязанности триерарха, он также принадлежал к литургическому классу. Онетор – один из богатейших людей Афин, среди его ближайших родственников – люди, активно занимавшиеся предпринимательской деятельностью в Лаврионе. Большинство из упомянутых лиц, помимо триерархии, несли и другие литургии.

Как видим, Неоптолем представляет собой весьма яркую личность, образец богатого и достаточно знатного афинянина, который активно участвовал в жизни полиса, жертвовал в пользу государства значительные средства, выполнял различные обязанности гражданина, в том числе и самую тяжелую – триерархию. Для его общественно-политической ориентации весьма показательны близость к Ликургу и круг друзей, людей богатых, предки которых занимали видное место в истории Афин в течение по крайней мере двух столетий. Дружеские связи Неоптолема с Онетором унаследованы от отца⁴⁰, одновременно с Онетором учившегося у Исократы, а один из друзей Неоптолема, Конон, оказывается связанным с ранее упомянутым Диотимом общей политической и финансовой позицией – оба выступают поручителями кораблей для Халкиды.

Что же объединяет этих людей, которые так дружно выступили в поддержку Мидия? Прежде всего, они происходили из известных семей: Тимократ и Полиевкт принадлежат к семье, зафиксированной источниками с начала V в. Как и семьи Филиппида и Неоптолема, шесть поколений семьи Диотима служили полису на самых различных постах. Когда есть сведения об их личных друзьях, они также оказываются принадлежащими к этой же среде. Все они – люди богатые. Так их определяет Демосфен, да и тот факт, что они попали в сводку Дэвиса, свидетельствует об их принадлежности к людям состоятельным. Все они несли литургии и прежде всего самую обременительную – триерархию, а также хорегии разного рода, занимали различные должности и жертвовали собственные средства на благо полиса, т.е. всего гражданского коллектива. Для большинства одним из основных (если не основным) источников богатства были разработки серебряных рудников⁴¹, во всяком случае для Филиппида, Диотима и Неоптолема это доказывается надписями. Учитывая то обстоятельство, что находка такого рода источников – результат случайности⁴², эти материалы тем более красноречивы.

Прямых и ясных указаний на политические взгляды наших героев в источниках почти нет, но, судя по самому факту активного выполнения ими своих гражданских обязанностей и известным нам демократическим традициям семей некоторых из них, очевидно, что они жили в полном согласии с демократией, тем более что в условиях тех лет, на которые пришлось их действие, в Афинах и не было особых случаев иным способом проявить свои симпатии и антипатии или занимать какую-то определенную позицию. Что касается внешнеполитической ориентации, то известна только решительная антимакедонская позиция Диотима и Полиевкта.

Особого внимания заслуживают личные связи рассматриваемой группы, весьма показательные: Тимократа и Полиевкта – с Андротионом, Диотима и Неоптолема – с Ликургом. Выше мы писали о друзьях Неоптолема, отметим также, что Филомел, отец Филиппида, и Антикл, отец Неоптолема, учились у Исократы, как и друг Диотима Онетор.

Вместе с тем, намечается и еще одна линия связей: у Ликурга дед был убит при 30 тиранах (как сообщается в Псевдоплатарховой биографии Ликурга – *Moral.* 841A),

⁴⁰ Весьма красноречивое свидетельство значения отцовской дружбы для детей – *Aeschin.* III. 52.

⁴¹ Именно к IV в. относится расцвет Лаврионских рудников, и лишь к концу века начинается их постепенный упадок (*Lohmann H. Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v. Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3.–7. August 1992, Bellagio / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 524–528*).

⁴² *Mossé C. Le IVe siècle // Will E., Mossé C., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. T. II. Le IVe siècle et l'époque hellénistique. P., 1975. P. 110 suiv.*

что заставляет вспомнить о традиции семьи Диотима, один из представителей которой также погиб тогда. Кроме того, Ликург был близок с оратором Исократом (Plut. Moral. 841B), учеником которого был еще один из деятелей того времени – Гиперид (Plut. Moral. 848D), причем тот же источник сообщает об их дружеских отношениях (Plut. Moral. 848F). Известна позиция Гиперида относительно посылки кораблей на Эвбею, когда афиняне проявили нерешительность, именно он выступил инициатором подготовки эскадры на добровольно пожертвованные средства и сам от своего имени и за сына выставил две триеры (Plut. Moral. 849F), в этой же антимакедонской акции участвовал Диотим и друг Неоптолема Конон. Наконец, именно Ликург предложил почести Неоптолему и провел постановление о почестях Диотиму.

По некоторым признакам с членами этой группы был схож и Блепий⁴³: богат, как-то связан с Лаврионскими рудниками, во всяком случае, кредитовал тамошних предпринимателей, но, пожалуй, это и все. Возможно, он был новым гражданином, недавно получившим права гражданства подобно некоторым другим трапедзитам в Афинах (в сводке Дэвиса его нет), и Демосфен упомянул его отдельно от других, так как он и действовал один, не входя в рассмотренную группу.

Что касается Мидия, то он, в общем, вполне органично сливается со своими защитниками: богат, причем основу состояния составляла разработка рудников, принимал активное участие в политической жизни Афин, неоднократно занимал различные государственные должности, нес расходы по триерархии и другим литургиям. Некоторые сомнения возникают, правда, относительно его генеалогии, источники сохранили сведения только об его отце и брате, но неизвестно, был ли его отец действительно «новым человеком» или такое впечатление случайно. Отметим также дружеские отношения на уровне двух поколений: в защиту его выступают Тимократ и его сын Полиевкт, поддерживает Филиппид, отец которого Филомел – тоже друг Мидия. Это касается политической ориентации Мидия, то напомним, что другом его был Эвбул, а Эсхин, с которым он познакомился через Эвбула, сожалел о смерти Мидия, возможно, не только из-за ухода из жизни человека, как и он, ненавидевшего Демосфена, но «по многим соображениям» (Aeschin. III. 115).

Таким образом, вырисовывается группа граждан, которых объединяли общие черты: они богаты, достаточно известны, очевидно, честно служили полису, выполняя литургии, иногда делая на благо его более, чем им положено по их состоянию и тратя на это свои собственные средства. Личная дружба между некоторыми восходила еще к их отцам, вместе учившимся у Исократа. Довольно уверенно можно говорить о решающем значении для их материального благополучия (если не сказать – процветания) И деятельности по разработке серебряных рудников Лавриона, хотя они обладали и землей. Антимакедонская позиция по крайней мере некоторых из них несомненна.

Последний вопрос в числе тех, которые поставлены в начале статьи, касается тактики Демосфена в процессе против Мидия. Мы уже отмечали необычность аргументации, вызванную обстоятельствами, связанными с процессом. Примем во внимание, что речь «Против Мидия» написана Демосфеном не для клиента, а для себя самого, отсюда особая заинтересованность в благоприятном исходе процесса. В противостоянии с Мидием оратор столкнулся не только с ним лично, но и с целой группой граждан, «коллективный портрет» которых мы пытались представить. При такой ситуации понятны опасения Демосфена, что привычная аргументация, которую могла ожидать от него аудитория, гелиасты, не окажется достаточно эффективной (сам факт его отказа от процесса весьма красноречив), и поэтому он решил построить свою речь таким образом, чтобы иметь максимальные шансы на успех. Весьма знаменательно, какой именно путь он выбрал. Из анализа речи следует вывод несколько парадоксальный: наиболее значительные шансы на победу сулила аргументация, в

⁴³ Гражданский статус Блепия не вызывает сомнений, так как он предложил Демосфену деньги за прекращение дела против Мидия во время заседания экклесии (Dem. XXI. 215), присутствовать на котором имел право только гражданин (Cohen. Athenian Economy and Society... P. 21, № 89; P. 70, № 44; Hansen M.H. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Oxf., 1991. P. 97).

которой на первый план выдвигались идеи о коренном противоречии между богатыми и бедными гражданами, об опасности для бедняков все усиливающегося влияния богачей, о необходимости противостояния им объединенными силами.

В научной литературе последнего времени об афинской демократии одной из ведущих является идея стабильности внутриполитической ситуации в полисе в IV в.⁴⁴ Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть бесспорное наличие подспудного противостояния богатых и бедных, одним из доказательств чего как раз и является та система аргументации, к которой счел необходимым прибегнуть наш оратор. Для современников оно, естественно, не осталось незамеченным, что подтверждает все тот же Демосфен. Он, в частности, объявляет себя противником чрезмерных нападков друг на друга богатых и бедных, нуждающимся он советует «отказаться от того требования, которым недовольны состоятельные» (Dem. X. 43). Но особенно красноречиво его утверждение о том, что оратор, предлагающий конфискацию имущества богатых и тем самым потакающий демосу, «становится у вас (т.е. граждан, заседающих в экклесии) сейчас же великим, прямо бессмертным по своей неприкосновенности» (Dem. X. 44). Подобные мысли для Демосфена не случайны, не порождены каким-то конкретным случаем, поскольку присутствуют и в других его речах. Например, в речи «О делах в Херсонесе» он решительно обрушивается на всех, кто посягает на собственность: «Ведь если кто-нибудь, граждане афинские, не считаясь с тем, будет ли это полезно для государства, привлекает граждан к суду, отбирает имущество их в казну, предлагает раздачи и выступает с обвинениями, то в этом нет с его стороны никакого мужества, но такой человек обеспечивает себе безопасность тем, что угождает вам своими речами и политической деятельностью, и таким образом он смел, ничего не опасаясь» (Dem. VIII. 69. Пер. С.И. Радцига).

Близкие идеи встречаются и у других афинских ораторов того времени. Так, в речи Гиперида «В защиту Евксениппа по обвинению его Полиевктом в противозаконии» имеется следующий, весьма важный для нас пассаж: «А самое подлое из того, что ты сказал в своей речи, – ты рассчитывал, что не заметишь, ради чего ты это говоришь, но тебе не удалось скрыть, – это то, что ты многократно напоминал в своей речи, что Евксенипп богат, и немного погодя (сказал об этом) снова... Большое ли состояние у Евксениппа или малое – это, разумеется, не имеет никакого отношения к этому процессу, но Полиевкт, говоря это, злонамеренно создает у судей неосновательное предубеждение, чтобы они вынесли решение на основании не самого дела, а чего-то другого, независимо от того, провинился ли в отношении вас подсудимый или нет» (Hypérid. IV. 32; пер. Л.М. Глускиной). Из приведенного поистине замечательного отрывка следует, что для гелиастов упоминание о богатстве подсудимого служит аргументом (или, по крайней мере, одним из аргументов) для признания его виновным и осуждения, представители же защиты оценивают такой подход как подлый.

Итак, мы склонны утверждать, что та стратегия обвинения, к которой прибегнул Демосфен в речи «Против Мидия», была вызвана вполне определенным соображением, а именно уверенностью в том, что достигнуть успеха в деле, где его противника – богача и политика – поддерживают богатые и влиятельные граждане, можно, только пустив в ход антиплутократическую риторику, которая имела мало общего с подлинными взглядами оратора на богатство и богатых. Демосфен, хорошо знавший настроения демоса, его психологию, счел такую тактику наилучшей, решив сыграть на чувствах судей, т.е. тех же граждан. Вчинив иск Мидию, он и деньги получил и, опубликовав речь, ославил своего врага.

⁴⁴ Сошлемся на симпозиум, состоявшийся в Белладжо, особенно на доклады Г. Хермана, П. Родса и М. Пьерара (*Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie... S. 43–60; Rhodes P.J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Changes? // Ibid... S. 303–319; Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Ibid. S. 249–268; cf. Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im Vierten Jahrhundert // Ibid. S. 271–300*). Из более новых работ назовем также: *Herman G. How Violent was Athenian Society? // Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to David Lewis / Ed. R. Osborne and S. Hornblower. Oxf., 1994. P. 99–117.*

MEIDIAS AND HIS FRIENDS
OR DEMOSTHENES AGAINST PLUTOCRATS

L.P. Marinovich

The article is devoted to one of the aspects of the social psychology of Greeks of the classical epoch. The speech by Demosthenes «Against Meidias» furnishes the basis of the article. This speech contains harsh criticism of the rich and wealth and has strong anti-plutocratic motives, not very typical of the orator. The analysis of the information derived from the narrative and the epigraphic sources about Meidias and his supporters, called by Demosthenes by their names makes it possible to create a kind of their collective portrait: they are rich, conduct various liturgies, sufficiently wellknown. The tactics of the accusation chosen by Demosthenes for the speech written by him for himself, the system of argumentation were conditioned by certain considerations: to win a case against the enemy, a rich politician, who had rich and influential supporters was possible only with the help of anti-plutocratic rhetoric which had little to do with the orator's true views on wealth and the rich. Demosthenes, well aware of the mood of demos and its psychology, considered such tactics the best.